

Дверь распахнулась, и он, воспользовавшись ночной мглой, вышел наружу. Холодный ветер тут же ворвался в покои.

Сюй Минъюэ тяжело дышала, глядя на полог над кроватью.

Еще не время. Если она изменит свое отношение слишком быстро, Чу Хуайчжи наверняка заподозрит неладное и убьет её. Нужно еще немного потерпеть...

— Ваше Величество, наводнение в округе Юаньань с каждым днем становится всё страшнее. Тысячи беженцев уже добрались до стен столицы и просят милостыню. Полагаю, нам следует открыть зернохранилища и оказать посильную помощь пострадавшим.

Чу Хуайчжи лениво приподнял бровь:

— Им что, заняться больше нечем? Как раз на фронте идет война — всех их схватить и отправить на принудительные работы.

Чиновник опешил. Он перебрал в уме тысячи вариантов ответа, но никак не ожидал услышать столь безумное предложение.

— Ваше Величество, большинство из этих беженцев — старики, женщины и дети, они не годятся для армии.

— Тогда какой от них прок? Целыми днями околачиваются у городских ворот, глаза мозолят. И что за глупости про помощь? Разве они её заслуживают? — он поднялся с места и холодно усмехнулся. — Открыть хранилища — отличная идея. Пусть лучше вы, господа министры, скинетесь деньгами на помощь пострадавшим. Вы же прекрасно знаете, в каком положении казна последние годы, налогов едва хватает. С какой стати тратить на это государственные средства?!

А почему налогов не хватает? Да потому что народ нищий.

А поскольку он сам не занимается государственными делами, всё это превратилось в замкнутый круг.

Чиновники переглянулись. Один из них неуверенно произнес:

— Тогда как Ваше Величество прикажет поступить с этими людьми?

— Тех, кто годен к службе — в армию, остальных — разогнать! А если кто вздумает бунтовать — казнить без суда и следствия!

Старый канцлер вздрогнул, его борода затряслась, он хотел что-то сказать, но, взглянув на Чу Хуайчжи, промолчал.

— Свободны!

□Народное доверие -5□

□Государственная мощь -5□

Услышав эту новость, Сюй Минъюэ выплюнула глоток чая. Государственная мощь и так уже на сорока, если упадет еще ниже — всё пропало!

На другие показатели ей было плевать, но если государственная мощь обнулится, она потеряет всё.

Нужно действовать немедленно, она обязана его остановить.

Она попыталась выйти из дворца Лохуа, но двое стражников преградили ей путь:

— Стоять.

Она невозмутимо ответила:

— Разве я теперь не цзеюй? Почему мне нельзя выйти?

Стражники переглянулись, один из них подмигнул другому, и тот тут же бросился в сторону дворца Сычэнь.

Чу Хуайчжи лежал на кушетке и безмятежно слушал музыку. Когда песня закончилась, он заметил стражника, который пришел с докладом.

— Говори.

— Докладываю Вашему Величеству: цзеюй Сюй из дворца Лохуа хотела выйти из дворца, но мы её не пустили. Она спросила, почему ей, наложнице, запрещено выходить, и мы хотели уточнить, следует ли нам её выпустить.

Чу Хуайчжи выпрямился и с интересом произнес:

— Она правда так сказала?

Женщина, говорящая одно, а думающая другое. Еще недавно твердила, что не хочет, а прошло всего несколько дней — и уже сменила пластинку.

Он встал, чувствуя, как настроение заметно улучшилось, словно он нашел какую-то забавную игрушку. Потянувшись, он широким шагом направился к выходу.

Сюй Минъюэ уже вернулась в свои покои. Он вошел без стука, и его светло-серые глаза отразили её хрупкую фигуру.

Она по-прежнему сидела на стуле, подперев голову рукой и нахмурившись, изучая что-то на столе. Она даже не заметила, как он вошел.

Он ухватил её за щеки, заставив встретиться с ним взглядом:

— Зачем ты хотела выйти?

Она моргнула, вырвалась из его хватки и, опустив глаза, ответила:

— Во дворце закончилась тушь, я хочу продолжить рисовать.

Он не ожидал, что причина окажется настолько нелепой.

Чу Хуайчжи взял со стола лист рисовой бумаги. На нем были изображены живые и реалистичные предметы: то дерево в саду, то коридор, то ваза.

— Людей рисовать умеешь?

Она слегка кивнула:

— Умею.

Его взгляд говорил: покажи.

Она обмакнула кисть в чистую воду, коснулась бумаги, и буквально парой легких штрихов наметила очертания женщины. Та была в пышном наряде, с распущенными волосами, стоящая под деревом, отчего рисунок казался очень естественным.

Такого стиля живописи Чу Хуайчжи не встречал у придворных художников и решил, что это особенность её родного города Гэчэн. Он забрал у неё кисть и, небрежно притянув к себе, усадил на колени.

Он вертел кисть в пальцах, и в его голосе невозможно было уловить эмоции:

— Выглядит довольно занятно. А не научить ли тебе меня? Тогда я разрешу тебе свободно покидать дворец.

Он оказался таким жадным до знаний, что дела, кажется, начали налаживаться!

Она с восторгом открыла рот, чтобы ответить, как вдруг услышала ледяной голос системы:

□Самоконтроль -5□

Сюй Минъюэ: «???»

Да что за ерунда!

Она занервничала:

— Как... как учить?

Он тихо рассмеялся, обмакнул кисть в холодную воду, как это делала она, а затем его длинные пальцы обхватили её, и кончик холодной, острой кисти опустился на её ключицу. Капли воды потекли по изгибам её тела.

Он понизил голос и выдохнул ей на ухо:

— Вот так учить.

Она так и знала, что этот тип задумал недоброе!

Атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Как бы она ни сопротивлялась, она не могла тягаться с его напором, а её слабые, бесполезные удары он принимал за кокетство.

Кисть снова и снова касалась её кожи, выводя узоры, пока она не выбилась из сил и не покорила его воле.

□Отношение +10□

Она тяжело дышала, устало прижавшись к нему, и смотрела на ослепительно яркое солнце за окном, чувствуя, как начинает болеть голова.

Почему его характеристики становятся всё ниже?

Он наматывал на палец прядь её волос, понимая, что уже не может отказаться от этого нежного податливого тела, хотя его это мало волновало — в конце концов, это всего лишь женщина.

Спустя долгое время она пришла в себя и прохрипела:

— Ты обещал, что отпустишь меня.

Её голос звучал жалобно, с нотками обиды.

Он был в прекрасном расположении духа, крепко обнял её и перекатился на кровати, снова прижав к себе — казалось, у него неисчерпаемый запас сил.

— Если порадуешь меня, то не то что из дворца — из города выпущу.

Сюй Миньюэ: «...»

Да издевается он, что ли?!

Тиран, самый настоящий тиран!

Когда всё закончилось, она чувствовала себя настолько уставшей, что не могла даже пошевелить пальцем. Он же, привалившись к её плечу, отдыхал.

Она, чувствуя, что осталась в глубоком минусе, обессиленно напомнила:

— Из... города.

Он рассмеялся — его гордое лицо в этот момент выглядело таким живым — и милостиво ответил:

— Понял я, понял.

Услышав его ответ, Сюй Миньюэ наконец сдалась и провалилась в сон.

Возможно, она была слишком утомлена, потому что спала так крепко, что даже не заметила, когда Чу Хуайчжи ушел.

Когда она открыла глаза, её мозг еще долго оставался пустым, пока она не вспомнила события вчерашнего дня. Нужно ковать железо, пока горячо, и воспользоваться моментом, чтобы укрепить их отношения.

Был уже полдень. Стражники сказали, что он вернулся во дворец Сычэнь.

Она выбрала подобающий наряд и направилась туда, но, не успев подойти, услышала оглушительный гневный крик:

— Похоже, вы все жить надоели!

Следом раздался звон разбитой о пол фарфоровой чашки.

Стражник у входа с беспокойством произнес:

— Цзеюй Сюй, Его Величество сейчас обсуждает дела с министрами, прошу вас, подождите немного.

<http://bllate.org/book/18796/1826755>